

Сергей Шулаков

НАЦПРОЕКТ ИМПЕРАТОРА. Во время Великой войны царь учреждал университеты

**Чтобы вера стала основным
содержанием жизни!**

*Галенин Б. Царская Школа.
Николай II и имперское русское
образование. — М.: Культурно-
просветительский русский издатель-
ский центр, 2014. — 600 с. — 5000 экз.
ISBN 978-5-4249-0024-2*

Сама задача книги Бориса Галенина, кандидата технических наук, выпускника мехмата МГУ, в определённой степени сенсационна. Не то чтобы никто не писал об изменениях в системе образования в последние годы существования царской России — автор цитирует изрядное количество исследований вполне уважаемых специалистов. Борису Галенину удалось показать, насколько системным был подход императора и его министров к проблеме, и насколько быстрыми и очевидными были результаты их работы, — показать убедительно, опираясь на достоверные, находящиеся в научном обороте документы, и вводя новые.

В первой части излагается взгляд автора на философию науки, который в целом совпадает с воззрениями тех исследователей, которые не видят противоречий между религиозным и научным мировоззрением, но разделяют христианскую традицию гносеологической функции веры, принципа *fides quaerens intellectum*? веры, ищущей ведения.

Много внимания уделяет автор общественным вопросам, неотделимым от функционирования системы образования. В разделе «Революция в России произошла из семинарии» Борис Галенин указывает не только на огромное количество революционеров, вышедших из семинаристов, от Чернышевского до Сталина, но и на тенденции, сложившиеся к началу XX века в духовном образовании. Показательны эмоциональные слова схиархимандрита Варсонофия Оптинского, приведённые в дневнике иеромонаха Никона (Беляева) от 1908 года: «Смотрите, в семинариях духовных и академиях ка-

ШКОЛА

кое неверие, нигилизм, мертвечина, а всё потому, что только одна зубрёжка без чувства и смысла... Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, встать в сторонке, поплакать, умилиться, ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом» [64]. Тенденция это не чисто российская, португальский доктор Салазар, например, прыгнул в диктаторы из недоучившихся священников, что в свою очередь косвенно подтверждает мнение митрополита Вениамина (Федченкова), что в сущности «мы были больше католическими семинаристами, фомистами (Фома Аквинский), чем православными...» [64].

Оценивая немецкую, британскую и американскую системы образования, сложившиеся за последнюю четверть XIX века, сравнительно с российской, Борис Галенин отмечает «симбиоз христианско-лютеранской системы образования и христианско-лютеранского государства» в Германии и делает вывод: «Выпускники русских университетов в массе своей готовы были стать опорой буквально любому типу европейской государственности, кроме отечественного» [104]. К этому времени в России сложились словно две культуры: православная народная и европеизированная университетско-семинарская. Автор настаивает на органичности первой, у которой были свой язык

и своя литература — богослужебная, «пусть враги называют наше народное православие "бытовым" или вовсе "обрядоверием"», [140] — прибавляет автор.

Вот и ещё одна сенсация: знание церковнославянского языка, умение читать богослужебную литературу по переписи 1897 года было приравнено к неграмотности. А ещё неграмотными называли себя плохо видящие старики — среди 100–109-летних грамотными сочли лишь 6,5% (!), старообрядцы и некоторые другие категории. И при всём этом грамотность русских людей в возрасте от 10 до 19 лет составила 51%. О всеобщей тьме и безысходной неграмотности говорить, таким образом, не приходится. Но «царские сатрапы» — доведшие население до такой степени нищеты и дикости, что иные 110-летние старцы и старушки, включённые в обширную социологическую категорию, бегло читали и писали, — сочли эти показатели явно недостаточными и принялись их энергично повышать. Недостатки образования самым серьёзным образом стали исправлять в царствование последнего императора Николая II.

Сейчас те, кто оценивают состояние нынешнего российского образования как близкое к катастрофическому, отчаянно ищут действенных способов к исправлению ситуации. Борис Галенин предлагает вспомнить и оценить в этом

Сергей Шулаков **Нацпроект Императора. Во время Великой войны царь учреждал университеты**

смысле реформы 1910-х годов. В общих словах их цели можно определить как «консолидация усилий государства и общества, главное — семьи и школы в деле народного образования» [142].

Консолидация государства и общества означает здесь попытку избегнуть всевластия министерских чиновников, озабоченных своими чиновничьими проблемами, а не результатами обучения в каждой школе или вузе. Взаимодействие семьи и школы — передача определённых полномочий родителям, что соответствует базовым принципам христианской государственности со времён святого императора Юстиниана. Всеобщая грамотность считается заслугой советской власти, но закон о ней был разработан в 1906 году, не был принят Думой, но волей императора получил силу закона в 1908-м. В гимназиях и университетах в начале XX века вводились органы самоуправления, готовился новый университетский устав, который обновлял сложный механизм государственного и общественного управления.

Осуществлялся своего рода национальный проект по строительству «школьных сетей». В самых отдалённых городах, посёлках и деревнях строились школьные здания, многие из которых являются архитектурными доминантами городов и селений и поныне, более чем через сто лет! Была поставлена

задача диверсифицировать систему обучения, в которой ни один человек не был бы лишним: учреждались ремесленные, художественные, коммерческие, медицинские и ветеринарные, педагогические училища и курсы, выпускавшие работников всех степеней во все секторы развивающейся промышленности...

Учреждались новые университеты (Ростовский, Томский, Иркутский, Нижегородский и другие), горные, лесные и сельскохозяйственные вузы, консерватории (Одесская, Тифлисская и другие)... Многие — во время Первой мировой войны. Статистика, таблицы и графики, которыми автор иллюстрирует приводимую информацию, сообщает книге достоинство ответственного справочника.

Главным образовательным началом, главным «нервом» новой русской школы становилось воспитание христианской нравственности, «воспитание в духе веры, верности Престолу и Отечеству и уважения к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодёжи приучать её с ранних лет к порядку и дисциплине», поскольку «школа, из которой выходит юноша лишь с курсовыми познаниями, не сроднённый религиозно-нравственным воспитанием с чувством долга, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубные для каждого дела

ШКОЛА

своеволие и самомнение» [Высочайший Рескрипт от 10 июня 1902].

И начало это проводилось в жизнь во всех образовательных учреждениях от церковно-приходских школ до университетов. К несчастью, катастрофа 1917 года не дала увидеть нам плоды этих начинаний во всей полноте.

Из книги «Царская школа» ясны и некоторые общественные тенденции, причины которых казались объективными, например, взаимосвязь образованного слоя страны и бюрократии. Как оказалось, в старой России бюрократии было намного меньше, чем в Советском Союзе и, тем более, в современной РФ. В царской России на государственной службе состояло менее четверти образованного слоя, после революции, к концу 1920-х – 100%.

Это понятно: новое государство старалось распространить контроль над всеми, кто в той или иной форме получил высшее образование. Характерно и другое: с тех пор тенденция бюрократизации имеет лишь ничтожно малый вектор к количественному снижению в статистическом смысле. Дальнейшие выводы читатель может сделать и сам: происходит инверсия, многие современные чиновники пишут и говорят с таким количеством ошибок, что сама принадлежность их к образованному слою вызывает оправданные сомнения. В последние годы

правления Сталина, в 40–50-е годы XX века, в СССР произошёл своего рода ренессанс образования, достигнув в области точных наук почти уровня дореволюционного, а «представителям просвещённого Запада и тот уровень культуры, который существовал у нас после войны, представлялся недопустимо высоким. В 1947 году бывший посол США в СССР генерал Уолтер Смит, выступая в комитете по иностранным делам Палаты представителей, заявил, что Россия создаёт более высокий уровень культуры для своего населения, чем тот, что существует во всём мире» [143]. Западные «партнёры» уже тогда забеспокоились, а их беспокойство надолго с делом не расходится. И это лишь пара из многих побочных линий размышлений, выстраивающихся из работы Бориса Галенина.

Первую часть книги автор завершает словами, которые являются в сущности лейтмотивом всего труда:

«Возвращаясь к нашему печальному времени, можно лишь заметить, что желательное и в принципе возможное восстановление культурно-интеллектуального слоя России может начаться только с возвращения к Православной вере» [136]. К вере, понимаемой не как набор неких обрядов и привычек, а основного содержания жизни.